

УДК 130.1

*БАРАШЕВА Юлия Валентиновна, аспирант
кафедры теоретической и практической философии факультета философии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.
Автор 5 научных публикаций*

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА В ФИЛОСОФИИ МИШЕЛЯ АНРИ

В данной статье анализируются новейшие тенденции в современной французской феноменологии сквозь призму отказа от процедуры «смыслополагания» (Sinnggebung) как ключевой для гуссерлианской традиции. Данный феномен подробно исследуется на примере философии французского феноменолога и теолога Мишеля Анри.

Ключевые слова: новая французская феноменология, Мишель Анри, смыслополагание, феноменология жизни.

Доминик Жанико, опубликовавший в 1991 году работу о «теологическом повороте» во французской феноменологии (которая впоследствии приобрела широкую известность, возможно, будучи первой и до сих пор одной из немногих работ, посвященных анализу специфики нового феноменологического движения), был первым, кто заметил сущностное обновление философской мысли во Франции. Несмотря на тот факт, что со времени публикации книги Жанико связка «новая французская феноменология – теологический поворот» часто появляется без нужных прояснений, следует сказать, что в заключение работы относительно определения «теологический» ее автор отметил, что оно используется иронически, как намек – и речь идет о намеке на те акценты, которые ощутимы в исследованиях новой феноменоло-

гии. Под смещением акцентов имеется в виду увиденная поздним Морисом Мерло-Понти, Эмманюэлем Левинасом, Мишелем Анри, Жан-Люком Марионом и др. необходимость по мере проведения феноменологического анализа переступить через границу непосредственно явленного.

Другая формулировка основной идеи современной французской феноменологии предлагается немецкими авторами Гансом-Дитером Гондек и Лацло Тенгели в их книге «Новая феноменология во Франции» (2011). Они пишут: «Большинство мыслителей современной феноменологии не являются приверженцами гуссерлианской ортодоксии. Более того они считают своей задачей найти подход к содержанию смысла (Sinnbeständen) и возникновению смысла (Sinnregungen) мира без того, чтобы

это производство смысла (Sinngelbilde) свести к смыслополаганию (Sinngelbung) посредством интенционального сознания» [3, с. 23].

Можно сказать, что высказыванием «любые реальные единства суть “единства смысла”» из § 51 Идей I Эдмунд Гуссерль подытожил суть классического понимания сущности феноменологической редукции, в рамках которой мир понимается не как единство вещей и фактов, но как единство операций по «наделению смыслом» (Sinngelbung) этого мира, как «гераклитовская река» возникновения смыслов. В центре рассуждения Гуссерля оказалось интенциональное сознание, и можно сказать, что, собственно, к нему и был сведен мир вещей и фактов. Левинас иронично заметил в этом отношении, что, принимаемая за реалистическую, гуссерлианская теория утверждает, что «объект сознания, отличный от сознания, является чуть ли не продуктом познания, как “предложенный” последним “смыслом”, как результат Sinngelbung» [1, с. 144].

«Новая французская феноменология» намерена отказаться от субъективизма и трансцендентального идеализма гуссерлианской феноменологии; она понимает последний как рецидив возврата к прежней метафизике. Представители новой феноменологии пытаются найти подход к проблеме возникновения смысла в мире без того, чтобы свести ее к вопросам «наделения смыслом» мира благодаря работе интенционального сознания. Так, в «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти писал о спонтанном смысле (sens spontané); в «Тотальности и Бесконечном» Левинас рассуждал о лице как источнике обращения Другого, в котором заключается все содержание смыслополагания; в своих работах Рикер обратился к феномену символа с его «излишком смысла», который вообще не относится к работе сознания; а Анри в «Сущности манифестации» продемонстрировал, что сущность жизни обращает нас к проблеме ее воплощения в некотором аффективном пространстве, которое предшествует сознанию и даже делает возможным последнее. Что касается Мариона, то его

«феноменология данности» утверждает: данное необходимо понимать как некий дар, феноменологическая редукция как раз обнаруживает этот характер данности всего – как результат, проблема смыслополагания подходит к проблеме избыточности феноменов.

Далее рассмотрим проблему изменения метода новой французской феноменологии на примере анализа работ французского феноменолога и теолога Мишеля Анри (1922–2002). Его феноменологический проект называется также «радикальной феноменологией», где под радикализацией понимается прежде всего пересмотр оснований, на базе которых выстраивается все феноменологическое знание. В разработанной им теории «феноменологии жизни» Анри заявил, что вопрос о последнем основании феноменологии все еще подлежит пересмотру. Речь о том спорном пункте, который ассистент Гуссерля Ойген Финк в лекциях, прочитанных им во Фрайбурге в 1955–1956 годах «Бытие, истина, мир», назвал «апориями понятия “феномен”». В этих лекциях, среди прочего, на вопрос о том, можно ли говорить о явлении самого явления, он ответил: «Не придем ли мы таким образом к бесконечному регрессу, не зайдем ли мы в мыслительный тупик?» [2, с. 86].

Анри начал построение своей феноменологии жизни именно с этой точки, однако придерживаясь противоположного мнения. В фокус феноменологии жизни он поместил не интенциональное сознание и не аналитику Dasein, а то, что стоит «за» ними – жизнь и ее трансцендентальную имманенцию в человеке. Тот факт, что именно само явление, а не акт явления (phainesthai), надолго оказалось в центре внимания приверженцев феноменологии, французский философ объяснил тем, что с самого начала развития феноменологического метода была допущена ошибка скрытого замещения: поспешного перехода от глагола к существительному, от «показываться», «являться» (sich zeigen) к «самокажущему», «явлению» (Sichzeigende).

«Сколько явления, столько бытия» (Wieviel Schein, soviel Sein), «К самим вещам!»

(Zu den Sachen selbst!) – эти столпы, на которых построено здание феноменологии, – говорит Анри, – демонстрируют категорическую неприменимость феноменологического метода в сфере субъективности, поскольку субъект не может стать предметом интенционального сознания так, как любой другой феномен мира. Потому что последнее вновь грозит бесконечной регрессией.

Дан Захави, реконструируя сущность критики Анри классической феноменологии, приводит пример яблони, как предмета интенционального сознания [5, с. 224]. Феноменологии «есть, что сказать» о ней исходя из бинарной структуры явления, имеющего свои дательный (кому?) и родительный (чего?) падежи (в данном примере – явление яблони мне), а также исходя из того, что яблоня, как и любой другой предмет интенционального сознания, – это не яблоня как таковая, но яблоня, видимая под определенным углом зрения, издали, вблизи ли, с той или другой стороны. Но как быть в таком случае с самим субъектом, который становится явлением для себя? Анри спрашивает: если предположить, что субъект открывается себе так же, как некоторый предмет, например яблоня, имеет ли его манифестация ту же бинарную структуру (явления чего-то кому-то)? – Нет, я дан себе некоторым иным образом, чем яблоня в моем сознании. Разгадку этого «как», по мнению Анри, можно отыскать, вновь обратившись к «Медитациям» Рене Декарта.

Анализируя то явление, в котором субъект дан себе, Анри настаивает на том, что человек в этом явлении – «больше не глина земли или некоторый материал подобного рода; это сама феноменальность, чистая феноменологическая материя, так что мы говорим: “Так что я определенно являюсь мыслящим существом, мыслящей вещью”. Если материя, из которой состоит человек, – это чистая феноменальность, явление как таковое, то следует сказать, из чего эта феноменальность состоит, как является явление» [4, с. 109]. Анри приходит к выводу, что эта материя, декартовское

cogitatio – и есть жизнь. Это с большим трудом переводимое понятие cogitatio, которое мы понимаем как «мышление» (pensée в тексте Анри), служит для обозначения явления «из которого принципиально исключено всякое мышление, всякая видимость, очевидность» [4, с. 111]. Это то явление, в котором я дан себе. Феноменология Гуссерля оказалась в контексте феноменологии жизни объектом для критики, поскольку она, словно не заметив этого cogitatio, осталась при своем cogito и разнообразных cogitationes, значимых для интенционального сознания. Совершив скачок к последнему, феноменология «запуталась» в плену видимого, не приняв в расчет невидимую подкорку – cogitatio, жизнь.

Анри говорит о том, наше сознание не может быть сознанием предметов самих по себе, поскольку то, что я их вижу, боюсь, чувствую их вкус или пробую наощупь, уже предполагает условия возможности их конституции в моем сознании. «Феноменологической материей», которая предшествует появлению cogito и cogitationes, в философии Анри оказывается переживание самого себя. Прежде, чем сознание становится сознанием объекта, оно является сознанием самопереживающим, самопре-терпевающим, причем так, что невозможно провести границу между этим переживанием и переживающим. Сложность заключается в том, что сознание может избавиться от своего объекта, каким бы он ни был, но невозможно отбросить переживание себя, как невозможно избавиться от себя в декартовском cogitatio.

Таким образом, философия Анри демонстрирует, как в современной французской феноменологии осуществляется уход от принципа интенционального схватывания. Вместе с тем, смещение интереса в новейшей феноменологии от анализа феноменов, схватываемых в логике «смыслополагания», к анализу данности феномена, где преодолена картезианская наивность разделения субъекта и объекта исследования, ведет к вопросу о языке новой феноменологии. Едва ли теперь можно, как прежде, считать ее основной операциональ-

ной единицей понятие. Однако вопрос о связи выражением в философском тексте требует от-
между насыщенной феноменальностью и ее дельного исследования.

Список литературы

1. *Левинас Э.* Тотальность и бесконечное. М.; СПб., 2000.
2. *Fink E.* Sein, Wahrheit, Welt. Vor-Fragen zum Problem des Phänomen-Begriffs. Den Haag, 1958.
3. *Gondek H.D., Tengelyi L.* Neue Phänomenologie in Frankreich. Frankfurt am Main, 2011.
4. *Henry M.* Inkarnation. Eine Philosophie des Fleisches. Freiburg; München, 2004.
5. *Zahavi D.* Michel Henry and the Phenomenology of the Invisible // *Continental Philosophy Review*. 1999. № 32.

References

1. Levinas E. *Total'nost' i beskonechnoe* [Totality and Infinity]. Moscow, St. Petersburg, 2000.
2. Fink E. *Sein, Wahrheit, Welt. Vor-Fragen zum Problem des Phänomen-Begriffs*. Den Haag, 1958.
3. Gondek H.D., Tengelyi L. *Neue Phänomenologie in Frankreich*. Frankfurt am Main, 2011.
4. Henry M. *Inkarnation. Eine Philosophie des Fleisches*. Freiburg, München, 2004.
5. Zahavi D. Michel Henry and the Phenomenology of the Invisible. *Continental Philosophy Review*, 1999, no. 32.

Barasheva Yuliya Valentinovna

Postgraduate Student, Faculty of Philosophy,
V.N. Karazin Kharkiv National University (Kharkiv, Ukraine)

RADICALIZATION OF THE PHENOMENOLOGICAL METHOD IN MICHEL HENRY'S PHILOSOPHY

The paper analyzes the latest trends in contemporary French phenomenology through the prism of rejecting the procedure of meaning-bestowing (*Sinngebung*), which is the crucial one for the Husserlian tradition. This phenomenon is investigated in detail on the example of the philosophy of French phenomenologist and theologian Michel Henry.

Keywords: *new French phenomenology, Michel Henry, Sinngebung, phenomenology of life.*

Контактная информация:

адрес: 61129, Украина, г. Харьков, ул. Тракторостроителей, д. 160-Б;
e-mail: soljuli@gmail.com

Рецензент – *Дрегалю А.А.*, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления института экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова